

среды института, что требует усилий всего профессорско-преподавательского состава вуза.

Использованная литература

1. Винокур, Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М. : Наука, 1999.
2. Козырев В.А., Черняк В.Д. Современная языковая ситуация и речевая культура: Лингвистические аспекты гуманитарных технологий. СПб, 2009.
3. Орлов О. М. Профессионально ориентированная риторика: содержание и методика обучения. АДД, М., 2003.
4. Стернин И.А. Гуманитаризация российского общества как задача нового века // Проблемы речевой коммуникации: межвузовский сб. научн. трудов. Вып. 3. Саратов, 2003.

*А.Н. Панов
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель: д. филол. н., проф. Г.П. Козубовская*

Комплекс человек-растение как несвершившаяся метаморфоза (повесть А.П. Чехова «Чёрный монах»)

Аннотация

В статье рассматривается специфика флоропоэтики А.П. Чехова в мифопоэтическом и нарратологическом аспектах. Показано, как в повести «Чёрный монах» мифологема человек-растение реализует несвершившуюся метаморфозу.

Ключевые слова: А.П. Чехов, метафора, мифологема, сад, символ, флоропоэтика, «Черный монах»

Новое понятие флоропоэтика (флоропоэтология) не так давно введено в научный оборот К.И. Шарафадиной [9; 10]. С точки зрения К.И. Шарафадиной флоропоэтика в широком смысле понимается так, это «и определение поэтологических устремлений писателей при обращении к флоросимволике, и попытка создания целостного, систематического учения о генезисе и филиации растительно-цветочных символов, в последнем случае авторские «цветочные реплики» становятся неотъемлемой частью большого флородиалога, разворачивающегося в мировой литературе» [10, с. 5].

Существующие в области флоропозитики исследования наших соотечественников в большей мере связаны с мотивикой и мифопозитикой отдельных цветов и растений, однако целостная картина динамики флоропозитики в русской литературе на данный момент времени пока не создана [2; 4]. Флоропозитика А.П. Чехова не была предметом специального изучения, хотя отдельные упоминания цветочной символики в анализе некоторых произведений есть.

Главный герой повести «Черный монах» (1893) – магистр философии Андрей Васильевич Коврин – проводит лето в имении своего бывшего опекуна, стремясь поправить здоровье и поработать на природе. Сюжетный ход – попытка побега героя из города на природу – желание человека попасть в утраченный им рай – отзвук романтизма. Сад в произведениях Чехова – это Эдем, утраченный после грехопадения человека Райский сад. Хозяин сада Егор Семенович Песоцкий старается создать идеальный сад на земле, но переводит это в коммерческую плоскость.

Повествование начинается с приезда Коврина в имение, где его сразу же встречают сосны, фруктовые сады и множество цветов, находящихся на пике цветения.

Сосна, будучи вечнозеленым растением, символизирует бесконечность жизни, бессмертие. Зная, что сосна устойчива к разложению, ее использовали как материал для гробов и высаживали вокруг могил; так у сосны появилось еще одно свойство – отпугивание злых духов [1; 5, с. 157]. В повести «Черный монах» сосны, растущие на отшибе имения (*«здесь оканчивался обрывистым, крутым глинистым берегом, на котором росли сосны с обнажившимися корнями»*) [8, с. 226], словно создают границу между миром жизни и смерти.

Сюжет повести держится на сопряжении двух семантических центров. Один из них – сад. Коврин при въезде в имение видит розы, лилии, камелии и тюльпаны: аллюзия на Эдемский сад весьма прозрачна.

Один из историко-культурных смыслов розы – любовь и желание – оформляет «роман» Коврина и Татьяны, дочери Песоцкого. Однако необходимо отметить, что чувства эти возникают не стихийно, а словно бы с подсказки: он сам осознает, что атмосфера весны и дачи располагает к влюбленности (*«Ему почему-то вдруг пришло в голову, что в течение лета он может привязаться к этому маленькому, слабому, многоречивому существу, увлечься и влюбиться, – в положении их обоих это так возможно и естественно!»*) [8, с. 230]), к тому же таково пожелание Песоцкого (*«Если бы у вас с Таней наладился как-нибудь роман, то – что ж? я был бы очень рад и даже счастлив»*) [8, с. 237]). Цвет розы – отсылка к мотиву страдания: в античной мифе Афродита, разыскивая своего возлюбленного Адониса по свету, поранила ноги [6, с. 92-93]. В повести Чехова утраченные розы – знак ушедшей любви: измученная болезнью Коврина Татьяна в конце концов расстается с ним.

Лилия – символ чистоты, невинности [5, с. 387]; таковой является Татьяна (юная, молодая, неиспорченная). Лексема «лилия» созвучна с именем персонажа еврейской мифологии Лилит – первой жены Адама, жительницы Эдема. Вновь

возникает параллель между садом Песоцкого и Эдемским садом. Дурманящий запах лилии, возможно, подталкивает Коврина к объяснению с Татьяной.

Камелии – это антитеза розы, более холодная и сдержанная, покоряет своей незащищенной доверчивостью [6, с. 46]; и в этом вновь аналогия с Татьяной.

Последний цветок в этом ряду – тюльпан. Тюльпан в культуре наделен амбивалентными смыслами: с одной стороны, это цветок бескрайних полей элизия (вместе с асфоделями), с другой – символ бесстрашия (цветок, который не боится ни жестокой руки, ни беспечного копыта, (а по легенде древних арабов, вырастает из крови дракона [6, с. 103]). Тюльпан – это знак наступившей весны, времени любви и изменений, когда мир буквально превращается в рай; Коврин ощущает себя словно бы в раю. Но тюльпан вносит тревожную ноту в повествование: в нем мерцают смыслы потустороннего.

Черные тюльпаны, несмотря на отрицательную коннотацию слова «черный», издавна считались очень редкими и ценными цветами. Вырастить черный тюльпан значило потратить много лет кропотливой работы.

«Черный тюльпан» в сюжете выполняет двойную функцию: это двойник Коврина, которого лелеют и оберегают в усадьбе Песоцких, с другой – это знак и предвестие появления Черного монаха, пришедшего к Коврину в момент переживания им наивысшего счастья, разрушенного Черным монахом. Цвет – знак и метафора затемненной души и ее возвеличивания. В «черном тюльпане» – сведение этих смыслов, то расходящихся в сюжете, то сопряженных.

Садовые деревья по-разному «обыгрывают» сюжет, предвывая его развитие: яблони – библейский символ раздора, искушения (искушение Коврина собственным тщеславием); груши – символ долговечности и верной любви (взаимная любовь Тани и Песоцкого друг к другу и к саду, правда, оказалась недолгой), но в то же время – дерево, принадлежащее нечистой силе [6, с. 35], персик – символ спасения у древних христиан [6, с. 82] и символ сердца и языка у художников; вишня – символ цветения и красоты [6, с. 27]. Гибель и спасение сопрягаются в символике сада: *«У нас только сад, сад, сад – и больше ничего ... мне даже ничего никогда не снится, кроме яблонь и груш»* [8, с. 230]. *«Пропал сад! Погиб сад!»* – лейтмотив Песоцкого.

Второй семантический центр – Черный монах. Первая встреча с Черным монахом, героем старинной легенды, происходит за пределами имения, и об этой встрече он побоялся рассказать своим близким, чтоб не сочли его сумасшедшим, но переживал особенное состояние. Черный монах, являясь миражом, убеждает Коврина (на самом деле озвучивая его собственные мысли) в его избранности и гениальности. Встречи с Черным монахом и далее дают ему другое видение, преображая мир.

Цветение Коврина прекратилось с того момента, когда, отказавшись от земных радостей (вино, сигары и т.д.), он пил молоко, лечился и, ощущая себя посредственностью, ссорился с близкими. Перестав видеть галлюцинации, он, скучая и тоскуя, отыгрывается на близких: последняя капля – причиненная Татьяне боль, намек на то, что женитьба на ней якобы была срежиссирована ее отцом.

Аромат табака и ялаппы («пахло ялаппой и в окнах светилась луна» [8, с. 252]), доносящиеся из сада в открытые окна, напомнили о «восторгах прошлого лета». Ялаппа, мирабилис, «ночная красавица» – это растение, обладающее очищающими, лечебными свойствами, в мифологии и фольклоре – оберег от порчи. Но привести себя в прежнее состояние герой уже не может.

Подобно саду, герой переживает расцвет и увядание, но эти состояния им самим осмыслены странным образом: «расцвет» соотнесен с приходом Черного монаха, уводящего за пределы земного мира, а увядание – с нормальной земной жизнью обыкновенного человека, которым он не хочет быть. Расцвет, приходящийся на период влюбленности, окружен цветами: помимо садовых цветов, это цветы, стоящие в вазах: «...свежие, еще мокрые от росы цветы, стоящие в вазах на столе» [8, с. 232]. Сорванные цветы – намек на будущие срывы Коврина, погружающегося все глубже в болезнь.

Вернувшийся Черный монах, упрекающий его в неверии, – предвестие смерти Коврина. Умиравший Коврин зовет Таню, проклинавшую его в последнем письме и желавшую ему гибели (проклятия – ее ответ на собственную «ошибку»: вместо гения – сумасшедший), сад «с роскошными цветами, обрызганными росой, звал парк, сосны с мохнатыми корнями, ржаное поле, свою чудесную науку, свою молодость,... звал жизнь, которая была так прекрасна...» [8, с. 257], то, чего он не уловил и не удержал. Безграничное счастье, которое, умирая, он испытывает (блаженная улыбка, застывшая на его лице, – знак этого), – следствие мелькнувшего воспоминания и одновременно нашептываний Черного монаха, убеждающего его в том, что «слабое человеческое тело» «не может больше служить оболочкой для гения» [8, с. 257].

Таким образом, флоропoeтика помогает раскрыть трагедию человека, который, погружившись в мир иллюзии, утрачивает связь с реальным миром. Красота окружающего мира, выраженная символически в цветах, которую он ощущает в момент влюбленности, становясь частью этого мира, теряет для него смысл. Главный герой, находясь в контакте с призраком Черного монаха, существует в вакууме своего тщеславия и гордыни. Переживая расцвет, подобно цветам, что выражено в метафоре человек-растение, сопрягающей человека и природу, Коврин переживает стадию увядания в болезненном ощущении собственной посредственности. В цветочной символике скрыты «тревожные смыслы», постепенно развернутые в сюжете: напоминание об элизии, о страданиях, о боли и т.д. Черный тюльпан в саду – предварение появления Черного монаха, разрушившего жизнь Коврина, двойник Коврина. Аромат алаппы – толчок к возвращению памяти. Сад всплывает в угасающем сознании героя как светлая радость, когда-то переживая, как самое дорогое, что утрачено навсегда. В тексте спрятана несвершившаяся метаморфоза, заданная коварным нашептыванием Черного монаха, но несущая смысл полноты земного самоосуществления человека.

Использованная литература

1. Агапкина, Т.А. Деревья в славянской народной традиции. Очерки / Т. А. Агапкина. – Москва : Индрик, 2019. – 548 с.
2. Горбовская, С.Г. Фитоним как литературно-художественный образ (от флоротропа к субъектно-ассоциативному флорообразу) / С.Г. Горбовская // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 9. – С. 309–310.
3. Ночная красавица – мирабилис. – URL: <https://7dach.ru/MoySad/nochnaya-krasavica-mirabilis-41620.html> (дата обращения: 10.03.2024).
4. Сергань, Д.О. Особенности использования флористического образа в литературе / Д.О. Сергань // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 1. – Т.6. – С. 168–172.
5. Тресиддер, Д. Словарь символов / Д. Тресиддер ; пер. с англ. С. Палько. – Москва : Гранд : ФАИР-Пресс, 1999. – 443 с.
6. Флора и Фавн; мифы о растениях и животных / под. ред. В. М. Федосенко. – Москва: Русь, 1998. – 256 с.
7. Фоли, Д. Энциклопедия знаков и символов / Д. Фоли : пер. с англ. 2-е изд. – Москва : Вече, 1997. – 512 с.
8. Чехов, А.П. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 8. / А.П. Чехов. – Москва : Наука, 1977. – 715 с.
9. Шарафадина, К.И. «Алфавит Флоры» в образном языке литературы пушкинской поры» / К.И. Шарафадина. – Санкт-Петербург : «Петербургский институт печати», 2003. – 309 с.
10. Шарафадина, К.И. «Селам, откройся!» Флоропоэтика в образном языке русской и зарубежной литературы / К.И. Шарафадина. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2018.– 544 с.

А. В. Сундеева
Россия, г. Барнаул
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель: к.филол.н., доцент И. Н. Островских

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЭТИКИ ЖЕСТА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX-XX в.

Аннотация

Целью настоящей работы является описание исторических и теоретических аспектов исследования поэтики жеста в отечественной литературе, опыта изучения поэтики и семиотики жеста в русской прозе рубежа веков, выявление взаимосвязи поэтики жеста и художественных особенностей различных направлений русской литературы XIX-XX в.

Ключевые слова: поэтика жеста, проза рубежа веков, невербальная поэтика